

Чекисты-ветераны Казахстана: Ж. Исабеков

За столом, покрытым красной бархатной скатертью, сидел начальник Курчумского районного отдела ОГПУ Петр Яковлевич Семенов. Он читал личное дело практиканта Исабекова. Жамель уже второй год исполнял обязанности помощника оперативного уполномоченного, но в этой должности приказом оформлен еще не был.

«... Исабеков,— читал Петр Яковлевич,— член Коммунистической партии большевиков с 1930 года. Принимал активное участие в конфискации имущества баев, феодалов и кулаков. В 1928—1929 годах храбро сражался против бандитов...».

А вот другая характеристика на Жамеля:

«С 1 марта по 10 мая 1930 года находился в Курчумском коммунистическом отряде, возлагаемые боевые поручения выполнял со знанием дела и важности поставленной перед отрядом задачи. Был дисциплинирован и исполнительен».

Петр Яковлевич и сам знал Жамеля. Он не раз отмечал его умение вести следствие и ту оперативность, с которой Исабеков выполнял все задания. Нередко обвиняемые, поставленные в тупик логическими доводами Исабекова, прекращали свои запирательства и признавались в совершенных преступлениях. Прямое участие в ликвидации банд он считал своим первейшим долгом перед Родиной.

Закончив чтение дела, Семенов составил новую характеристику и написал руководству ОГПУ Восточно-Казахстанского округа представление о назначении Исабекова помощником оперативного уполномоченного вверенного ему районного отдела ОГПУ.

По решению районного комитета партии Исабеков в этот же день должен был ехать в командировку по заготовке хлеба государству. Семенов пригласил его в свой просторный, светлый кабинет, и они долго обсуждали сложившуюся обстановку в тех аулах, куда направлялся Исабеков.

- Возьми с собой одного активиста,— посоветовал в конце беседы Петр Яковлевич.

Исабеков сказал, что возьмет комсомольца Нурхатова из колхоза «Бестерек». Рано утром они с ним и выехали в аул Каратагай.

От подножия гор Карасенгир расстилается широкое плоскогорье, отрезанное от степи речкой Калгутты, берега которой сплошь покрыты зелеными лужайками. Дальше, за речкой, до самого озера Зайсан лежит неизмеримая гладь степи Сардала. Хлеб в этих краях в 1931 году вырос низким. Но местами пшеница выдалась на редкость хорошая и все, кто видел эти поля, радовались, хотя убирать ее приходилось вручную.

Издалека увидели Жамель и Толемыс мужчин и женщин с серпами в руках, растянувшихся по полю цепочками по 15—20 человек. Но вот путники подъехали к току. Вел молотьбу шустрый мальчуган на черной кобылице, за которой на постромках тяжело катался округлый, ребристый камень. Двое мужчин деревянными лопатами высоко подбрасывали намолот, и ветер уносил мякину, а чистое зерно I дождевым шорохом падало в кучу. Колхозники не заметили, как двое верховых спешили и привязали лошадей за прошлогодними скирдами соломы.

Толемыс знал обоих и познакомил с ними Исабекова. Молодой — Жанабил Рустемов, пожилой — Хасен Килынов. Исабеков, зачерпнув пригоршней пшеницу, попробовал на зуб несколько зернышек.

– Хорошее зерно,— заметил он и стал расспрашивать мужчин об урожае, о ходе уборки...

После обеда, когда все колхозники расселись под навесом у тока послушать, что скажут приехавшие, Жамель Исабеков поднялся, снял фуражку с красной звездочкой, бережно положил ее на весы, расстегнул две верхние пуговицы гимнастерки и, осмотрев собравшихся, начал говорить.

– Партия требует от нас не ослаблять борьбу с кулацкой спекуляцией хлебом. Надо дать отпор тем, кто пытается сорвать хлебозаготовки,— говорил Исабеков.

Люди слушали внимательно. Потом Исабеков заговорил о том, что спокойной работе колхозников нередко мешают бандиты и стал приводить примеры.

Реакция собравшихся на выступление Исабекова была единодушной:

– Пора покончить с бандитами! Мы не допустим того, чтобы они отбирали у нас скот и мешали уборке хлеба...

Вечерело. Жанабил Рустемов пригласил Нурхатова и Исабекова к себе домой в Каратагай. Они сели на лошадей » поехали дорогой, петлявшей по хлебному полю. Жамель с любовью осматривал густую колхозную пшеницу.

- Земля у вас плодородная,— сказал он Жанабилу.
- Воткни кнутовище — карагач вырастет,— согласился тот, довольный похвалой собеседника.

Около аула их застиг дождь, и они подхлестнули коней. Жамель окинул взглядом неширокую улочку, вдоль которой выстроилось около тридцати саманных избушек. Небогато еще тогда жили колхозники, и вряд ли бы кто поверил, что со временем станет Каратагай центральной усадьбой Калгутинского совхоза, а на его улицах, кроме добротных, крытых шифером домов, вырастут двухэтажная средняя школа, клуб, больница, магазины... После ужина сразу легли спать. Но не спалось, и мужчины еще долго переговаривались...

...А в это время под покровом грозовой ночи из межгорной глубокой долины, словно из норы, выскочила банда черноголовых, прозванных так за малахаи, пошитые из шкурок черных ягнят. Бешеным смерчем банда обрушилась на аул Енбек. Сорвав дверь с петель, несколько бандитов вломились в дом коммуниста Альжана Молдырбаева. Один из них бросился к койке и хотел стащить Молдырбаева. Но тот ногой так стукнул его в грудь, что черноголовый охнул, выронил берданку и упал на спину. Молдырбаев нагнулся за ружьем. В этот момент здоровенный верзила замахнулся прикладом, чтобы ударить Молдырбаева по голове, но Альжан увернулся, и тот, промахнувшись, рухнул на пол. Остальные схватили Молдырбаева, и после чьего-то удара по голове он упал. Обозленные сопротивлением бандиты били его чем попало, пока Альжан не захрипел, а из горла и носа не хлынула кровь. Тогда Нурасбай — главарь банды — оторвался от лежащего в крови тела и, рассмотрев в темном углу перепуганных детей и женщину, крикнул:

- Взять их!

Один из бандитов подскочил к ним, схватил за волосы жену Молдырбаева и оттащил от заплакавших в ужасе детей. Тем временем остальные связали и отнесли на бричку постель, а потом сундуки с вещами. Затем бросили на бричку связанную жену Молдырбаева и уехали. У порога остались плачущие дети.

Гремела над аулом гроза, и под гул громовых раскатов насильники вламывались в саманные домишки и избивали сопротивляющихся и плачущих людей, вытаскивали их немудреные пожитки. Акан Жусупжанов попробовал с несколькими мужчинами заступиться за одноаульцев. Но что могли сделать несколько человек против четырех десятков озверевших громил. С Жусупжанова

сняли одежду и в одних кальсонах, босиком провели через весь аул к берегу речки Калгутты. Здесь ему связали руки за спиной и привязали к тополи, чтобы он не доставал ногами до земли.

- Ну что, пойдешь в колхоз? — злобно выкрикнул Нурасбай, глядя на Жусупжанова. Но тот глубоко вздохнул и плюнул Нурасбаю в лицо.

- Ты, собака, свое получишь! — сказал Жусупжанов.

Нурасбай, вытирая с лица кровавистый плевок, грязно выругался, вскинул берданку и выстрелил в Жусупжанова. Пуля впилась Акану чуть ниже левой ключицы, хлынула кровь. Он вздрогнул, потом голова его медленно опустилась на окровавленную грудь. Бандиты вскочили на лошадей и поскакали прочь от аула по направлению к границе. Они гнали скот по неубранной еще пшенице. На току связали сторожа Каримбая. Забрали все 870 центнеров засыпанной в таргапы пшеницы. Очищенные ворохи зерна разбросали и прогнали по ним лошадей и верблюдов...

Сквозь шелест дождя и раскаты грома прорвался отчаянный стук в окно. Жамель сначала спросонья не понял, где стучат, потом вскочил с постели, подошел к окну и посмотрел в черноту, в щель между занавеской и косяком. При вспышке молнии он увидел у порога промокшего насквозь Хасена Килынова. «Неспроста человек в грозу, ночью прибежал», — подумал Жамель и открыл дверь. Переступив порог, Хасен никак не мог отдышаться от скорого бега.

— На аул Енбек, — наконец сказал он, — напали бандиты.

— Сколько их и куда они направились из аула? — спросил Жамель, натягивая сапоги.

— В темноте не разобрали много ли их. Говорят, что более двадцати, — ответил Хасен.

— Собрать всех мужчин к аулсовету! — приказал Жамель. Несколько подростков он тут же отправил с записками в райцентр — Кумашкино и соседние аулы — Акчий и Бурабай.

— Товарищи! Вчера я говорил вам об опасности. Сегодня она вломила в дома соседнего аула. Будете ли вы ждать, когда бандиты ворвутся к вам чинить зло и насилие? Или как мужчины, не боясь страха смерти, кинетесь на врага?

— Смерть бандитам! — закричали в ответ каратагайцы.

Спустя час около тридцати человек верховых, вооруженных двухстволками и берданками, поскакали к аулу Енбек. Там они слышали плач детей и женщин, увидели избы с разбитыми окнами. У домов валялись перевернутые казаны, чугуны и другая домашняя утварь.

Жамеля привели к Жусупжанову, которого соседи после ухода бандитов привезли домой и уложили в постель. Он потерял много крови и был очень слаб, но, увидев вооруженных коммунистов и активистов, нашел силы сказать Исабекову:

— Идите скорее к хребту Кызылкериша...

Отряд добровольцев во главе с Исабековым помчался в погоню за бандитами. Далеко за аулом всадники увидели голую жену Молдырбаева. Увидев отряд, опозоренная женщина стала убегать дальше в степь, стыдясь людей. Младший брат Молдырбаева догнал ее, набросил на нее свой пиджак и увез домой.

... Как ни торопились бандиты, но с награбленным имуществом и угнанным скотом они не могли двигаться быстро, и днем добровольцы догнали банду. Хитрый Нурасбай решил отбиться от погони из засады с удобных позиций в холмах Кызылкериша. Но Жамель Исабеков сразу разгадал замысел бандитского вожака и с частью отряда поскакал вперед, чтобы окружить врага. Полтора часа длилась перестрелка, а затем бандиты группами стали поспешно отходить к ущелью, идущему к границе с Китаем, прикрывая отход беспорядочным огнем. Жамель с десятком активистов поскакал напрямик к ущелью и успел занять там подходящее место. На узкой тропе показались первые бандиты. Они отчаянно хлестали коней, рассчитывая проскочить к границе. Жамель усмехнулся, не спеша, как на учебном плаце, подвел мушку и плавно нажал спуск. Мгновенье спустя лошадь кувыркнулась вместе с всадником. Один за другим прогремели семь выстрелов, и семь ошеломленных и ничего не успевших понять бандитов были взяты в плен.

Подоспел комотряд из райцентра и сразу вступил в бой. Окруженные черноголовцы вынуждены были сдаться. Насильно уведенные ими семьи бедняков вернулись в свой аул. Сто пятьдесят лошадей, двадцать два верблюда, пятьдесят пять коров и 870 центнеров хлеба были возвращены колхозу, а бандитов под конвоем отправили в районный центр.

— Спасибо, брат, за помощь,— обнимая командира комотряда Грязнова, сказал Жамель.

— Вот кого надо благодарить,— ответил Грязнов. — Ведь наша сила в поддержке народа.

— Верно говоришь, начальник, — подтвердили активисты и комотрядовцы. — Народ всегда с коммунистами...

На другой день начальник райотдела Семенов вызвал Исабекова.

— Хотел я поручить вам вести следствие по делу Атанова, но есть более неотложная задача. В урочище Каражал действует банда Ашика Жазыкова. В последние дни она активизировалась, видимо, или ждет помощи из-за кордона, или готовится вскоре уйти с награбленным. Выедете с комотрядом. Людей мало. Задача — установить местонахождение банды и до подхода крупных сил не дать ей уйти.

— По крайним-то тополям, наверно, больше мальчишки будут лазить. Может они нас будут благодарить?— подсмеивался Нурхатов.

— А что, думаешь, не будут? Еще как будут. Не вслух, конечно. И довольны будут наверняка. Разве это не радостно?

— Может мы и сами полазим?

— Не откажусь, — со смехом поддержал шутку Жамель.

— Псабеков! Иса-а-а-бе-е-е-ков! — донеслось вдруг через площадь.

Отставив лом, Жамель внимательно посмотрел на бегущего к посадкам человека.

— Посыльный. За мной,— коротко бросил он Нурхатову, подпоясался ремнем, застегнул пуговицы и, стряхнув ладошкой пыль с сапог, быстро зашагал в райотдел. Долг призывал чекиста на пост, и он, только что с увлечением работавший ради радости людей, пошел, чтобы ради этих же людей, ради их спокойствия и счастья вступить, может быть, в смертельную схватку с коварным, хитрым и злобным врагом...

В конторе колхоза «Жолнускау» народу было немного. Заканчивалась колхозная страда, и председатель, сидя за своим столом, обсуждал с агрономом из райземотдела, как поднять зябь, какие семена оставить на сев. Вдруг за окном раздался топот конских копыт. Председатель Рахимжанов повернулся к окну.— Наверно, уполномоченный из района приехал,— проговорил он. Но выглянув в окно, воскликнул:

— Да это же Исабеков!

А Жамель привязал лошадь к коновязи, стряхнул с себя дорожную пыль и вошел в контору.

— Ассалоум алейкум! Здравствуйте!— приветствовал он находившихся в конторе и шагнул к председателю.

— Здравствуй, председатель! Дело есть, Кабеке.

— Говори, жолдас Исабеков, какое дело.

— Нужно мне в помощь двоих надежных джигитов.

Рахимжанов задумался. Если уполномоченный ОГПУ просит двоих в помощь, значит, дело серьезное. Это, правда, не комотряд, но чекисту виднее, сколько и для чего ему нужно помощников. К тому же просит он надежных джигитов.

- Что, опять из Китая от Кусаинова и Кабимова гости пожаловали? — спросил Рахимжанов, которому было хорошо известно, с какой ненавистью встретили байские последыши курс партии на коллективизацию казахского аула. Да и русские кулаки в селах от них не отставали. И смотришь то здесь «красного петуха» пустили, то там колхозную отару или конский табун пытались угнать, а то и людей за границу уведут.

- Нет! Про гостей пока не слышно. Надо отыскать братьев Жакабаевых. Рахимжанов что-то пошептал на ухо шустрому мальчишке, который бочком втиснулся в контору, когда приехал Исабеков.

- Где скрываются эти разбойники, точно неизвестно. Знаем только, что где-то на Зайсане или вблизи него на Иртыше. Ну, а как у вас в колхозе дела? — спросил Жамель и с вниманием стал слушать председателя об уборке, о том, как ночью пытались поджечь амбар с зерном, кто еще подал заявление о приеме в колхоз. Открылась дверь и вошли рыбаки — молодой парень Хасен Текенов и коренастый, сильный мужчина Петр Равников.

- Вот эти джигиты пойдут с тобой.

— Рахмет, жолдас баскарма, — улыбнулся Жамель. — Знаю их. Надежные люди, — а потом обратился к Текенову и Равникову и спросил, согласны ли они помочь отыскать и задержать двух преступников.

— Оружие я вам дам, привез две винтовки. Коней, надеюсь, председатель даст получше.

— Обязательно, — кивнул головой Рахимжанов.

— Только помните, что бандитов желательно взять живыми, Наказание может определять только наш советский суд.

— Все это понятно, — отозвался Хасен. — А если бандиты стрелять в нас начнут? Что же, нам не стрелять?

— Потому бандиты и есть преступники, что они убивают без закона. А мы не убийцы. Мы — помощники закона, — сурово и твердо пояснил Исабеков и пытливо посмотрел в глаза своим помощникам,

— Понятно? — потеплевшим голосом спросил Исабеков. — А теперь давайте обсудим, как и где вести поиск.

Все сели за стол.

— Надо ехать на Кара-Шумек,— уверенно предложил Равников,— Несколько дней на рассвете я видел, как на берегу Зайсана за густыми камышами поднимается столб дыма.

Подожди, ‘если бандиты скрываются, зачем им выдавать себя дымом,— усомнился Хасен.— Но вот вчера около полудня на левом берегу Иртыша около села Камышинки я слышал два выстрела.

— Наверно, эти выстрелы слышал и я, когда вчера подъезжал к току,— проговорил Рахимжанов.

Пока остальные спорили, Исабеков глубоко задумался, а потом произнес:

— Вечером и ночью объедем левый берег Иртыша до Камышинки. Утром поедем к Кара-Шумеку, и к тому времени, когда виднелся дым, мы как раз будем поблизости.

Все согласились, тогда Жамель посоветовал подкрепиться на дорогу, а через полчаса выезжать.

На левый берег переправились засветло и теперь ехали по песчаным буграм цепочкой метров за 30 друг от друга. Лошади пофыркивали, и ничто, кроме их фыркания да стрекота кузнечиков, не нарушало ночной тишины. Доехали до Камышинки, а потом так же россыпью повернули назад. И снова под ногами коней шуршал изредка осыпавшийся песок, а иногда раздавался писк мышей.

Вдруг в ложбинке шевельнулась какая-то тень. Натянув повод, Жамель остановил коня и выхватил наган, пристально вглядываясь вперед. Там вдруг загорелись зеленым фосфорическим светом два огонька, и тень стремительно скользнула в траву: «Лиса»,— разочарованно подумал Жамель, всовывая наган в кобуру. Застывали несколько раз и его попутчики, и Жамель видел, как убегали от них испуганные тени.

Проходил час за часом, но ничего подозрительного, никаких людей не было и следа.

Осмотрев весь район предполагаемого нахождения преступников, после короткого совета решили вернуться в Аксуат. Парома не было. Через Иртыш плыли на лодке. Уставшие кони тяжело фыркали, когда брызги воды попадали им на морды.

Переправившись, люди умылись холодной чистой иртышской водой. На востоке

за Нарынскими горами заалела заря. Постепенно таяли ночные тени. Занялось утро 28 августа 1932 года. Из поднебесья донеслись неживые трели жаворонка.

Посветлели и липа всадников. Обтерев лошадей, они тронулись в путь. Немного отдохнув, группа Жамеля направилась в аул. Переезжая большак из Кумашкино в Аксуат, заметили на дороге верхового. Жамель узнал его. Это был Андрей Григорьевич Важно, бывший пограничник. Его и обещал Исабекову прислать в помощь начальник райотдел я ОГПУ Петр Яковлевич Семенов.

Всадники съехались. После взаимных приветствий Вахно спросил, как у них дела, узнали ли они что-нибудь о бандитах.

— Пока ничего,—ответил Жамель и рассказал, как проведен поиск на левом берегу Иртыша.

— Теперь думаем к Зайсану податься.

— Ну, что ж я с вами,—согласился Вахно.

— Придется захватить в Аксаут, заменить коней, да и позавтракать надо.

Из отрогов Нарынского хребта выползли тяжелые тучи, померк солнечный свет и неожиданно хлынул проливной дождь. В Аксуат прискакали изрядно вымокшими, но через час группа снова пустилась в путь.

Показалось урочище Кара-Шумек. Легкий ветер шевелил густые заросли камыша, и по ним прокатывались зеленые волны. Дыма нигде не было видно.

Группа Жамеля, пополненная Важно и Рахимжановым, стала прочесывать заросли. Зеленоватая от ила грязь прилипала к ногам лошадей и стонуще чавкала, но посвист ветра и шелест камыша заглушали эти звуки. Ветер был союзником Жамеля и его людей, но он же мог помочь бандитам...

Под утро Каюбай Жакабаев, продрогнув от холода, проснулся. Луна осветила лицо его спящего брата Мукаш-бая. Последние три бессонных ночи валили их с ног. Устроившись удобнее, Каюбай смотрел на луну и считал звезды, но тяжелые мысли одолевали его. В прошлый месяц они часто угоняли лошадей, коров, увели и переправили через границу в Китай несколько семей из аула Койтас. А сейчас грязные, оборванные, голодные лежат в камышах, прячась от людей, как звери. Вздохнув, Каюбай подумал о себе. Сын состоятельного человека, бая Жакабая. Отец был жадным, деспотичным человеком. На жирном, мясистом лице из-под нависших, густых бровей сверкали суровые глаза. Люди не любили его за дурной характер. Да и сыновьям было от него несладко. Как

злобно он ругал их в последний раз, что мало пригнали скота. Все ему мало. «Чего мне-то не хватало? Зачем послушал отца и уехал за границу? Ведь и здесь люди живут. Напугали вот колхозом. А как же другие не боятся? Да что боятся, сами идут да еще песни на работе поют. А ведь раньше этого никогда не было. Вот угнали мы скот — люди нас ненавидят».

Невеселые это были мысли, мысли человека, пытающегося понять то, что происходит вокруг. И вопросы, на которые трудно было ответить самому себе. Но разве ответишь правильно, если кроме слов отца и аткаминеров ничего слышать ему не приходилось. А чувствовал, что люди в аулах что-то знают такое.

Тревожные думы прервало громкое позевывание — проснулся младший брат.

— О чем ты думаешь, Каюбай, а?

Тут Каюбай высказал свои мысли брату. Младший поднял голову:

— Ты — предатель! Забыл, что говорил отец? погоди, вернемся в Китай, все расскажу, он тебе всыплет!

Каюбай не шевельнулся. Долго лежал, молча глядя в небо, меняющее предрассветную темноту на сияющую голубизну. Каюбай молча встал, пошел собирать сухой камыш, засохшие кизяки. Будь что будет, а надо сварить мясо и вдоволь поесть. Эти мысли полностью охватили голодного, измученного думами человека. Встал и младший брат. Поставили казан, налили воды и положили самые жирные куски мяса. Затрещал сухой камыш, взвились искры, потянуло горьковатым дымком...

Пологие волны Зайсана легко катились по озеру и с чуть слышным плеском накатывались на берег, где-то вдали раздалось кряканье утиног выводка. Пахло болотом, сухим камышом и свежей водой. Прочесано более половины камышовых зарослей, но пока что ничего не обнаружено: ни кострищ, ни следов. Вдруг Жамель насторожился, ясно почувствовав запах вареного мяса. Приглядевшись, он заметил, что неподалеку над камышами вьется слабый дымок. Жамель подал знак своим товарищам спешиться окружать обнаруженный костер. Осторожно раздвигая камыши, Жамель услышал возбужденные голоса, а секундой позднее рассмотрел двоих у костра на прогалине. Это были те, кого они искали всю ночь и утро.

Теперь оставалось преодолеть каких-нибудь 8—10 метров, чтобы схватить бандитов, но ветер и без того слабый совсем утих, и камыш зашуршал

предательски громко. Послышалось торопливое кряканье — это Вахно и Текенов подали сигнал, что вышли западнее костра и видят преступников. Рахимжанов и Равников перекрыли северную сторону. Бандитам оставался один путь — на юг, а там обширный Зайсан.

Окружив бандитов с трех сторон, Исабеков и его помощники поползли к костру, но братья вдруг насторожились.

Руки вверх!— крикнул Исабеков. Бандиты бросились ниц и, прижавшись к земле, стали медленно отползать к берегу озера, Жамель подумал, что это неспроста, стал зорко всматриваться в камыши и вскоре рассмотрел еле видимую в зарослях небольшую лодку.

— Парни, возвращайтесь в свой аул, пока не поздно,— закричал Хасен. Бандиты настороженно замерли, а Хасен продолжал:— Вернитесь, никто не будет вас преследовать!

Исабеков, увидев, что преступники не двигаются, решил отрезать им путь к лодке и бросился вперед. Но едва он поднялся, как воздух рванул выстрел, и словно огромный слепень впился под ложечкой в живот. Вытащив из кармана платок, Жамель прижал его к ране, неловко сунулся на колени и повалился на бок. Кто-то еще выстрелил, но Жамель уже не увидел, как судорожно задергался один из бандитов.

Когда подбежали Равников и Рахимжанов, Исабеков открыл глаза и прошептал: — Живыми... берите... Прощайте, товарищи...

За тридцать лет вырос курчумский парк. Шелестят листвою величавые красавцы-тополя. А на центральной аллее стоят два обелиска: один — в честь тех, кто отдал жизнь за установление Советской власти в этих местах, а другой — в память о чекисте с надписями на казахском и русском языках: «Здесь похоронен Жамель Исабеков, погибший от рук белобандитов в 1932 году», «Слава о сыне народа, погибшем за Советскую власть, будет жить в веках».

Использованная литература:

Чекисты Казахстана. Составители: Н. И. Милованов, А.Ф. Минаичев. Алма-Ата, «Казахстан», 1971, сс. 68-81, Ж.Ибраев. Жамель Исабеков